

РЕВОЛЮЦИЯ И МЫ

**АЛЕКСЕЙ
САХНИН**

ОПЫТ ОКТЯБРЯ 1917-ГО ГОДА

**КАК
ДЕЛАЮТ
РЕВОЛЮЦИЮ**

Революция и мы

Алексей Сахнин

**Опыт Октября 1917 года.
Как делают революцию**

«Алисторус»

2016

УДК 94(470)"1917"
ББК 63.3(2)6

Сахнин А. В.

Опыт Октября 1917 года. Как делают революцию /
А. В. Сахнин — «Алисторус», 2016 — (Революция и мы)

ISBN 978-5-906914-44-6

Алексей Сахнин – один из лидеров «Левого фронта», получил политическое убежище в Швеции по «Болотному делу». По образованию он историк, кандидат исторических наук. В своей новой книге А. Сахнин рассказывает о потрясающем успехе большевиков в 1917 году, когда они из малоизвестной и маловлиятельной партии превратились в ведущую революционную силу и одержали победу в Октябре. Он доказывает, что вопреки распространенному сейчас мнению, большевики не были заговорщиками, захватившими власть в результате путча. Материалы, которые приводит А. Сахнин, свидетельствуют, что большевики нашли широкую опору в народе: как это ни покажется кому-то странным, но они были тогда самой демократичной партией. Именно поэтому, пишет автор, «то что на языке той эпохи называлось «революционным творчеством масс» дало невиданную энергию, которая позволила совершить невероятные перемены и изменить течение мировой истории».

УДК 94(470)"1917"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906914-44-6

© Сахнин А. В., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
Февральская революция	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Сахнин
Опыт Октября 1917 года
Как делают революцию

Серия «Революция и мы»

© Сахнин А. В., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Предисловие

Русская революция никогда не страдала от недостатка внимания. Ее масштабы и влияние на российскую и мировую историю мало кем подвергались сомнению. Более того, она так потрясла сознание современников и потомков, что все столетие, минувшее с момента ее начала, неизменно оставалась одной из центральных тем в общественной дискуссии – как в области политики, так и в академической историографии, почти одинаково занимая публицистов, художников, писателей, философов, ученых и политиков.

Но если революция 1917 года вообще стала «чувствительной» темой для общественной дискуссии, то ее главные герои – большевики – испытали на себе это пристрастие вдвойне и втройне. Фантастический прорыв леворадикальной партии к власти, беспрецедентный по своей стремительности и по масштабам своих последствий социальный эксперимент большевиков приковывал к себе внимание и заставлял вновь и вновь возвращаться к его авторам. Бесчисленные эпигоны ленинской партии стремились разгадать «секрет» ее успеха, а не менее многочисленные противники искали разгадку «катастрофы» в злом гении партийных лидеров, в специфике оргструктуры и «дискурсивных технологий» РСДРП(б). В итоге большевизм стал рассматриваться не просто как центральный сюжет в истории русской революции, но как само ее существо, как главное содержание охвативших Россию перемен.

Сегодня, наше общество по-прежнему расколото на сторонников и противников социалистических ценностей. А градус идеологической и политической борьбы и общественной дискуссии вновь повышается. Столетний юбилей Октября становится поводом для переосмысления исторического опыта, а подчас и для сознательного искажения исторической истины. Теперь, когда страна вновь стоит на пороге исторической развилки, научный анализ тех реальных механизмов и общественных отношений, институтов и идей, которые определили судьбу страны в том судьбоносном 1917 г. становится не просто актуальным, но – необходимым.

Вероятно, изучение большевизма никогда (в обозримом будущем) нельзя будет полностью вывести за рамки общественно-политической дискуссии в спокойную гавань академизма. Эта тема останется весьма болезненной и актуальной не только для науки, но и для политики. Российская революция и большевизм, как ее часть, надолго останутся одним из краеугольных камней политики, без самоопределения по отношению к ним она еще долго будет попросту невозможна.

Но историческая истина и объективность не должны стать жертвой идеологических спекуляций. Историю нельзя ангажировать. И потому дальнейшие исследования и дискуссии вокруг феномена большевизма могут строиться только на прочном фундаменте скрупулезного внимания к фактам. Общество не может развиваться, не приняв собственное прошлое, не «присвоив» его себе, не превратив его в собственную творческую силу. В этом смысле не только идейно-теоретическое наследие большевиков, но и их институциональный опыт, диалектика субъективных и объективных факторов развития партии являются для нашего обществом предметом «освоения» и анализа. А сделать это в обход строгой науки невозможно. Будем надеяться, что предложенный вниманию читателя текст внесет свой скромный вклад в это большое дело.

Февральская революция

Правительственные репрессии, вынужденная эмиграция многих видных деятелей большевистской партии и условия работы в подполье привели к тому, что к февралю 1917 г. большевики оказались в весьма тяжелом, с организационной точки зрения, положении. По словам известного немецкого историка Х. Альтрихтера, большевикам в февральские дни «не доставало именно того, что должно было отличать их от других социалистических партий: ясной концепции, сильной организации и единого руководства». Многие партийные организации (включая петроградскую) были разгромлены, ощущался кадровый голод, не было единого руководящего органа. Его роль накануне революции, а также в ходе событий февраля-марта 1917 г., играли три инстанции: Заграничная часть и Русское бюро ЦК партии (в Цюрихе и в Петрограде, соответственно), а также Петроградский комитет.

Заграничная часть ЦК, во главе с Лениным, находившаяся за границей, испытывала постоянный дефицит сведений из России и была ограничена в возможности влиять на происходящее в стране. Как и в прежние годы, она, главным образом, сосредоточивалась на литературной и теоретической работе, а также прикладывала усилия к переправке в Россию литературы, поддержания контактов с большевистским подпольем посредством переписки и отправки специальных уполномоченных, поиске материальных ресурсов и т. д. Вся эта работа осуществлялась через Комитет заграничной организации РСДРП(б) (КЗО РСДРП(б); в него входили Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирский, И. Ф. Арманд и другие), работой которого руководил лично Ленин.

В Русское бюро ЦК (далее – РБЦК) входили накануне революции всего три человека: А. Г. Шляпников (игравший роль неформального лидера), П. А. Залуцкий и В. М. Молотов.

Молотов вспоминал в 1971 г., что он познакомился со Шляпниковым еще в конце 1915 г., характеризовал его как «человека способного, пишущего, ... активного». Молотов признавался, что «мы его считали лидером». Так дело и обстояло на самом деле: Шляпников был неформальным, но бесспорным лидером первоначального состава РБ ЦК (кстати говоря, в отличие от своих товарищей, Шляпников был полноправным членом ЦК еще с 1912 г.). Молотова и Залуцкого связывали дружеские отношения, но оба, по всей видимости, находились под политическим влиянием старшего и более опытного Шляпникова. С другой стороны, при всех своих организационных талантах и влиянии на молодых товарищей, Шляпников не совсем подходил на роль политического лидера и публичного политика. Вот, например, как его характеризовал один из самых проницательных летописцев революции Н. Н. Суханов: «опытный конспиратор, отличный техник-организатор и хороший практик профсоюзного движения... совсем не был политик... ни самостоятельной мысли, ни способности, ни желания разобраться в конкретной сущности момента не было у этого ответственного руководителя влиятельнейшей рабочей организации». В целом, можно согласиться с оценкой Суханова: Шляпников гораздо больше подходил на роль организатора подпольной организации, чем на место публичного лидера легальной массовой партии.

Фактически, именно Шляпников, Молотов и Залуцкий отвечали за координацию деятельности всей партии, во всяком случае, той ее части, которая оставалась в России. Через них осуществлялись контакты с зарубежной частью ЦК, они отвечали за организацию партийной печати и за состояние кассы партии. Численность партии на рубеже февраля-марта 1917 г. составляла, по оценкам организаторов партийной переписи 1922 г., около 23 600 человек (из них около 2000 человек в Петрограде). Но только часть этого актива находилась в распоряжении Шляпникова и РБ ЦК. Большинство были либо в заключении, либо не имели связи с руководящими инстанциями партии. Связь с партийными организациями в провинции часто была нерегулярной или даже эпизодической.

Архивные источники позволяют сделать вывод о достаточно сильных трениях между РБ ЦК во главе со Шляпниковым и руководством крупнейшей организации партии – Петроградским комитетом – уже зимой 1916–1917 гг. Не перерастая в открытый конфликт, их отношения все же оставляли желать лучшего, о чем свидетельствует как переписка РБ и заграничной части ЦК, так и внутренние документы РБ. Шляпников считал, что ПК должен подчиняться ЦК, которое представлял в Петрограде он сам и его товарищи по РБ. Руководство ПК, со своей стороны, игнорировало указания Русского бюро и даже жаловалось в заграничный партийный центр на попытки Шляпникова диктовать свою волю петроградскому пролетариату.

* * *

Насколько позволяют судить источники, настроение членов РБ ЦК накануне революции было весьма радикальным даже по большевистским меркам. Это проявлялось, прежде всего, в отношении к либеральной оппозиции и к другим социалистическим партиям. Так, в своем письме в Заграничную часть ЦК от 11 февраля 1917 г. Шляпников характеризует политику думских либералов из «Прогрессивного блока» как «антинародную» и призывает клеймить лидера кадетов П. Н. Милюкова «перед лицом демократии всего мира». Незадолго перед этим, на встрече с А. Ф. Керенским, Шляпников категорически отказался, от имени большевистской партии, от поддержки думской фронды, а также от «заключения формального соглашения», обязывавшего большевистские организации «согласовывать свою волю и действия» с другими социалистическими группами и партиями, поскольку «не имел никого интереса стать игрушкой в буржуазных руках». Таким образом, высший орган большевиков в России занял демонстративно самостоятельную и даже непримиримую позицию по отношению к другим антиправительственным силам страны.

Характеризуя настроения большевистского актива накануне революции, Шляпников, в числе проблем, волновавших активистов, первым упоминает вопрос о вооружении рабочих. Вокруг этой проблемы велась в январе и феврале 1917 г. оживленная дискуссия, в ходе которой оформилось два подхода, тесно связанных с различными аспектами теоретической культуры большевиков вообще. Часть активистов полагала, что необходимо достать оружие любым путем (купить, привезти из-за границы) и создать боевые дружины, которые и должны были стать ударной силой революционного переворота. Шляпников и его товарищи, напротив, доказывали, что «оружие рабочие должны добыть от солдат... Только массовый переход войск на нашу сторону может обеспечить победу». Таким образом, если одни ориентировались на «бланкистскую» модель захвата власти вооруженным крылом революционной партии, то другие (во главе со Шляпниковым) держались мнения, что вне массового движения перемены невозможны. Победа сторонников последней точки зрения привела к тому, что усилия большевистского актива расходовались не на организацию вооруженных отрядов, а на агитацию среди рабочих и солдат.

Второй вопрос, остро дискутировавшийся в социал-демократической среде накануне революции, сводился к тому, «целесообразно ли призывать рабочих к революционным действиям, когда наши организации не смогут овладеть движением? Не обождать ли, не преждевременно ли вызываемое нами революционное движение?». Логика этого спора была аналогична логике дискуссии о вооружении; одни ориентировались на стихийное движение масс, другие на хорошо подготовленное выступление «авангарда». Причем Шляпников специально подчеркивал, что среди «авангардистов» были «отнюдь не пессимисты и не умеренные элементы». Как мы увидим, дело было не в радикализме и умеренности, а в разных теоретических моделях, на которые ориентировались члены партии.

Наконец, третьим вопросом, составлявшим предмет острого обсуждения в большевистских организациях, был вопрос об организации власти после грядущей революции. Именно

вокруг этого вопроса будет строиться дискуссия в РСДРП(б) после Февраля, а потому проследить эволюцию различных подходов к его решению особенно важно. Общеизвестным (со времен первой русской революции) был лозунг организации Временного революционного правительства, призванного осуществить требования большевистской программы-минимум и прекратить войну. Это будущее правительство виделось большинству активистов как правительство «революционной демократии», созданное на основе «соглашения между существующими в стране тремя основными революционными и социалистическими партиями» – большевиками, меньшевиками и эсерами. Такое понимание вопроса о революционной власти, разумеется, связано с традиционным для социал-демократии представлением о том, что предстоящая в России революция будет носить сугубо «буржуазно-демократический» характер и не поставит перед собой собственно социалистических задач, почву для которых необходимо еще долго готовить посредством «прогрессивного» курса, который и призвано будет обеспечить Временное революционное правительство.

Вместе с тем, Шляпников и ряд других мемуаристов указывают, что уже накануне революции часть членов партии рассматривали социализм как непосредственную перспективу приближавшейся революции, как вопрос сегодняшней, актуальной повестки дня, а не дальний горизонт прогресса. «Многим товарищам – вспоминал Шляпников – было не по душе ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка... Часть товарищей рассматривала надвигающуюся революцию, как начало социалистической эпохи». При этом таковые были не только в столице, но и, например, в Харькове и т. д.

Немало было и тех, кто полагал, что основная задача революции – создание буржуазно-демократического режима. Эти разногласия станут в ближайшем будущем теоретико-идеологической основой внутрипартийной борьбы за определение тактики и стратегии РСДРП(б). Очевидно, что радикальные теоретические выводы сторонников первого подхода самым серьезным образом отличались от социал-демократической ортодоксии (и не могли не вступить в конфликт с ней), исходившей из нерушимости универсальной последовательности стадий развития общества, а, следовательно, ориентированной на ограниченную «буржуазно-демократическую» перспективу.

В основных центрах большевистской партии в России (Петроград, Москва, Харьков, Урал, Киев, Закавказье и т. д.) накануне Февраля очень мало обсуждалась проблематика Советов, как особой модели организации революционной власти. Упор традиционно делался на расстановке классовых сил и на взаимоотношениях партий (социалистических и либеральных). Даже в последние дни февраля, когда уже началась революция, а на некоторых заводах уже избирались делегаты Совета, лидеры большевиков (причем как в РБ ЦК, так и в ПК) настаивали, что руководство восстанием должно сосредотачиваться в руках нелегальных партийных центров РСДРП(б). «Мы сознательно не выставляли лозунгов по созданию какого-либо непартийного органа для руководства полустихийным движением – вспоминал Шляпников – выдвигая для этой цели наши испытанные в борьбе, дисциплинированные и централизованные партийные коллективы». И только при успехе восстания руководство ПК и РБ ЦК предполагало созыв Совета.

Состав Петербургского комитета (ПК) и вообще столичной организации партии был сравнительно пестрым. Среди питерских большевиков были сторонники разных взглядов, в том числе и немало тех, кто ориентировался на более тесное взаимодействие с другими левыми партиями и даже с либеральной оппозицией. С образованием Петроградского Совета, преобладающим влиянием в котором будут пользоваться меньшевики и эсеры, напряжение между РБ ЦК и большинством ПК, стремящимся к сближению с представленной в Совете «демократией», увеличится, став основной пружиной внутрипартийной борьбы в РСДРП(б) на первом этапе революции.

25 февраля состоялось заседание РБ ЦК, на котором член Бюро и его представитель в ПК Залуцкий сообщил о работе ПК и райкомов партии. По его словам, ПК по требованию своего актива принял решение закончить всеобщую стачку, которой были охвачены большинство предприятий столицы, лишь после победы над царским правительством. На следующий день намечался пленум ПК, призванный определить тактику дальнейшей борьбы. Однако этому не суждено было произойти.

Всего через несколько часов, в ночь с 25 на 26 февраля, охранка произвела аресты, которые в значительной степени ослабили петроградскую организацию большевиков. Всего было арестовано более 100 человек (причем, больше всего среди арестованных было именно столичных большевиков), в том числе трое руководителей ПК (А. К. Скороходов, А. Н. Винокуров, Э. К. Эйзеншмидт). Несмотря на то, что большинство членов ПК остались на свободе, они вынуждены были скрываться, и работа комитета была дезорганизована.

В этих условиях, автоматически возрастала роль РБ ЦК. В свою очередь, член РБ ЦК Шляпников 26 февраля выступил с инициативой создания нового ПК на основе Выборгского райкома и оставшихся на свободе членов разгромленного охранкой старого ПК. Совещание членов Выборгского райкома партии и старого ПК приняло это предложение, а РБ ЦК в тот же день утвердило принятое ими решение.

По всей видимости, в первые дни после своего создания новый ПК РСДРП(б) находился под сильным влиянием РБ ЦК (и, прежде всего, Шляпникова лично) и обращался к нему за инструкциями и указаниями. Этому способствовала традиционная политическая близость между членами Бюро ЦК и Выборгского районного комитета РСДРП(б), которые и составляли основу этого временного состава ПК.

Однако это длилось не долго. Уже 1 марта 1917 г. собрание представителей парторганизаций Выборгского, Нарвского, Василеостровского районов, Латышской и Литовской организаций партии, профсоюза печатников и представителей др. партийных групп, признав себя неправомочным решать вопросы, находящиеся в компетенции ПК, выбрало из своего состава новый Петербургский комитет. Таким образом, монополия Выборгского комитета на представление парторганизации столицы исчезла. С этого момента вновь появилось и даже усилилось определенное напряжение между ПК и РБ ЦК.

Впрочем, и в последние дни февраля (т. е. в момент максимальной политической близости) между двумя этими инстанциями все же существовало одно важное разногласие. Оно касалось вопроса о вооружении рабочих, о котором говорилось выше.

* * *

В ходе революционных событий в столице возник новый орган – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), который сыграл важнейшую роль в истории русской революции. Партийная фракция большевиков в Совете стала одной из площадок на которой происходили процессы внутрипартийной борьбы.

Идея организации Совета возникла практически одновременно с началом массовых волнений. Уже 24–26 февраля происходили первые выборы депутатов по заводам. Однако вплоть до 27 февраля эти выборы так и не приняли систематического характера. Участие же большевиков в работе по созданию Петросовета было сравнительно слабым. Этому есть ряд объяснений.

Во-первых, большевики находились накануне революции в подполье, и у них не было легальных организаций, на основе которых можно было бы строить организационную работу, проводить агитацию на предприятиях и т. д. Их соперники из социалистического лагеря – меньшевики и эсеры – также не были в фаворе у властей, но сохраняли некоторые легальные возможности: от представительства в Думе, до активной работы в земствах, кооперативном

движении, различных комитетах; это предоставило им в первые недели революции определенные преимущества по сравнению с большевиками. Во-вторых, разгром ПК в ночь с 25 на 26 февраля еще сильнее ослабил партию. Наконец, в-третьих, по словам Шляпникова, большевики «увлеклись» уличной борьбой и «упустили выборы».

Увлеченная попытками организовать и направить уличную активность, партия в значительной степени упустила момент формирования Совета. Стремление контролировать революционную стихию сыграло с РСДРП(б) злую шутку: роль активистов партии в организации митингов, демонстраций и братаний с солдатами была значительно больше ее влияния в собравшемся вечером 27 февраля Совете. «Ожидать большого наплыва наших представителей – жаловался Шляпников – не приходилось – так как большинство товарищей были заняты уличной борьбой». Вместе с тем, связь Совета с широкими массами и его авторитет в их среде не вызывали сомнений.

Тем не менее, уже на первом заседании Петросовета, состоявшемся вечером 27 февраля, большевистская партия не осталась без представительства.

Н. Н. Суханов называет цифру в 250 депутатов, присутствовавших на первом заседании Совета. Но в других источниках указываются более скромные цифры. «Известия» в статье «Как образовался Петроградский Совет» утверждали, что собралось 120–150 человек. Наконец, ряд участников собрания, например, Шляпников и А. В. Пешехонов, определяют численность собравшихся в 40–50 человек. В этом вопросе можно согласиться с выводами советского историка Ю. С. Токарева, который полагал, что «участники заседания делились на три группы – выборные от заводов и фабрик, солдатские представители, деятели партий и организаций» и что «количество выборных от предприятий (которые только и имели право решающего голоса – А. С.) не превышало 40–45 человек». Остальные присутствовали в порядке «самовыдвижения» и с совещательным голосом.

По всей видимости, выборные представители предприятий, в большинстве своем, не были членами партий, соперничество между которыми проявилось лишь при выборах президиума или, как он стал называться впоследствии – Исполнительного комитета. В последний вошло 15 человек. Причем, среди них только двое большевиков – Шляпников и Молотов. Еще два места резервировались специально для представителей ЦК и ПК РСДРП(б). Петербургский комитет, по словам Шляпникова, в тот день не смог воспользоваться зарезервированным для него местом в исполкоме Совета, а еще одно «место у нас оставалось в запасе, за отсутствием подходящего кандидата мы решили использовать его по приезду к нам подкреплений».

Таким образом, организационная слабость и острейший кадровый дефицит самым печальным образом сказывались на представительстве большевиков в Петросовете. РБ ЦК было в эти дни единственным собственно политическим руководящим органом большевиков; Шляпников пользовался почти ничем не ограниченной властью в партии (во всяком случае, пределах столицы). Но отсутствие сколько-нибудь достаточного кадрового резерва и партийного аппарата делали положение «тройки» крайне уязвимым как для политических противников, так и для возможных соперников внутри самой партии.

Утром 27 февраля Шляпников написал листовку, которая призывала к созданию Временного революционного правительства, а 28 февраля РБ ЦК большевистской партии выпустило свой Манифест («Ко всем гражданам России»), в котором излагались программные требования большевиков и обрисовывалось их видение стратегии дальнейшего развития революции. На следующий день документ был опубликован в первом номере «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов». Манифест и листовка от 27 февраля, стали первыми официальными документами РБ ЦК, отражавшими его политическую позицию в первые дни революции.

Лейтмотивом обоих документов стал призыв к созданию революционного правительства, которое провозглашалось главной задачей «рабочего класса и революционной армии». Причем, большевистская листовка недвусмысленно призывала сторонников партии: «Приступайте

немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст временное революционное правительство».

Таким образом, уже в последние дни февраля, РБ ЦК однозначно высказалось за Советское правительство. Источники не позволяют окончательно ответить на вопрос о том, как именно Шляпникову и его единомышленникам в конце февраля 1917 года виделся механизм формирования правительства и его связь с Советом. Возможно, имелось в виду правительство из числа советских деятелей, что, конечно, не идентично более позднему рецепту Ленина, основанному на представлении о Совете, как уже готовой альтернативной системе власти. Вместе с тем, формирование власти Советом означает ее ответственность перед ним, что позволяет считать Шляпникова сторонником именно Советского правительства.

Другие члены РБ ЦК понимали взаимосвязь Временного революционного правительства и Советов значительно хуже. Молотов говорил в 1983 г.: «Но у нас еще не было вывода, как у Ленина – на основе Советов, Советское правительство, Советская власть... Я защищал демократическую революцию, не мечтал о социалистической». Либо Молотов на склоне лет не очень точно описывал свои тогдашние взгляды, либо указание на Советское правительство появилось в Манифесте РБ ЦК с подачи Шляпникова, в то время, как его молодые товарищи действительно не понимали значения этого тезиса. Как бы то ни было, документы РБ ЦК свидетельствуют против воспоминаний Молотова. Начиная с «Манифеста» все документы РБ ЦК, связанные с вопросом о власти основаны на требовании формирования Временного революционного правительства именно на Советской основе (сам термин «Временное революционное правительство» быстро стал использоваться именно в качестве левой советской антитезы думскому Временному правительству).

Такая постановка вопроса, разумеется, означала негативное, даже враждебное отношение к формирующемуся из представителей думского комитета Временному правительству. Именно по этому важнейшему вопросу – о принципах организации власти – руководство большевистской партии разошлось и даже вступило в конфликт как с другими социалистическими партиями, так и с частью большевистского актива, ориентирующегося на более тесный контакт с партиями Советского большинства.

Впрочем, на рубеже февраля-марта о конфликте в партии по вопросу о характере правительства речи еще не шло.

Так, Выборгский райком РСДРП(б), выполнявший в этот момент функции ПК, принял на общем собрании 1 марта резолюцию о необходимости образования Временного революционного правительства. Причем в третьем пункте этого документа прямо говорилось, что «Возникший Совет рабочих и солдатских депутатов, непрерывно вовлекая новые революционные кадры восстающих народа и армии, должен объявить себя Временным революционным правительством и неотложно провести следующие мероприятия: поставить Временный комитет, составившийся из 12 членов Государственной думы, в непосредственное подчинение Временному революционному правительству». Как правильно заметила Т. А. Абросимова, «по сути это было требование передачи власти Петроградскому Совету». Интересно, что К. И. Шутко, выступивший докладчиком на этом собрании и предложивший процитированную выше резолюцию, а также его товарищи из Выборгского райкома рассматривали Петросовет не просто как источник власти, но как уже готовое правительство (т. е. вполне в соответствии с теми тезисами, которые месяц спустя опубликует Ленин).

Вечером 1 марта на учредительном собрании нового Петербургского комитета РСДРП(б) выступавший с докладом о текущих событиях и задачах партии Шляпников встретил полную поддержку своих однопартийцев. Между тем, он вполне четко сформулировал все противоречия сложившейся ситуации. «И если мы хотим иметь Временное Революционное Правительство, – говорил Шляпников – оно должно быть составлено из с.-д. меньшевиков и

социалистов-революционеров. Отказываться от него, несмотря на это, мы не должны. Такое правительство революционной демократии мы должны будем, в известных пределах, поддержать. Правительству же, выдвигаемое Комитетом Государственной Думы, зная хорошо его социальную основу, мы доверять не можем, и должны будем повести против него массовую кампанию. Самой желанной системой правления был бы Совет, как полномочный революционный орган, выделяющий из себя Временное Революционное Правительство, опирающееся на всю организованную демократию». Таким образом, Шляпников рассматривал три возможных коллизии при формировании новой власти. Правительство, формируемое думскими деятелями, которое он считал неприемлемым; Временное революционное правительство из представителей умеренных социалистов могло, по мнению Шляпникова рассчитывать на поддержку РСДРП(б) «в известных пределах»; но оптимальным путем он назвал организацию правительства на советской основе.

Доклад вызвал бурные прения. «Обмен мнениями длился несколько часов и, благодаря малой твердости председателя, угрожал расплыться и затянуться до бесконечного и пустого говорения». Однако, по словам Шляпникова, «никто из выступавших не оспаривал моих положений, как по вопросу о власти, так и по предложениям организационного характера». Изложенные им идеи и приоритеты казались вечером 1 марта убедительными большинству петербургских активистов.

В глазах большевиков (и не только их) Совет становился главным организационным итогом революции, а потому внушал огромное уважение и авторитет. Доверие массам, которое было одной из основных черт той политической культуры, которую отстаивало руководство РБ ЦК (против некоего «бланкизма» или «авангардизма» части работников ПК), обязывало доверять Совету, представляющему массу.

По всей видимости, именно так выглядел механизм, который определил изменение подхода многих большевиков к вопросу о формировании власти. Если раньше господствовало представление о том, что Временное революционное правительство должно быть сформировано на основе договоренностей между тремя социалистическими партиями, как наиболее представительными организациями трудящихся, то постепенно в качестве наиболее адекватного представительского органа стал рассматриваться Совет. Именно на этой логике был основан тезис о желательности формирования правительства на советской основе, тезис, ставший одним из краеугольных углов политической культуры большевизма периода революции.

Утром 2 марта РБ ЦК РСДРП(б) устроило совещание, на котором еще раз была согласована политическая позиция большевистского руководства. Все члены РБ ЦК оказались единомышленниками, что и обусловило их согласованное выступление на пленуме Совета, состоявшемся через несколько часов после этого. С позицией Шляпникова, Залуцкого и Молотова солидаризировались также члены выборгского районного комитета РСДРП(б).

Лидеры умеренных советских партий уже 28 февраля начали, в частном порядке, переговоры с представителями думского комитета о создании на основе думской либеральной оппозиции Временного Правительства. К вечеру 1 марта выяснилось две позиции, пользовавшиеся поддержкой среди членов Исполкома Совета: часть правых народников (трудовиков и эсеров), а также бундовцы предлагали создать коалиционное правительство с участием представителей советских партий; но большинство эсеров и меньшевиков настояли (решение было принято большинством голосов 13 против 7) на другом сценарии, при котором Петросовет признавал правительство, сформированное на основе думского комитета, но не посылал своих представителей в него; точка зрения РБ ЦК о необходимости формирования советского правительства в ходе обсуждения в Исполкоме не прозвучала.

В ночь на 2 марта прошли переговоры представителей Исполкома Петросовета и думцев, которые завершились соглашением, в соответствии с которым, советские лидеры признавали полномочия Временного правительства на условиях, которые Суханов назвал «социалистиче-

ской программой минимум» (амнистия по политическим делам, немедленное введение всех гражданских и политических свобод, демократизация армии и предоставление солдатам всех гражданских прав, созыв Учредительного собрания и т. д.).

Около полудня 2 марта открылось пленарное заседание Петросовета, посвященное вопросу о формировании правительства. О результатах переговоров с Временным Комитетом Государственной Думы доложил участник этих переговоров Ю. М. Стеклов, призвавший делегатов Совета одобрить заключение соглашения с либералами. Большевики – П. А. Залуцкий, В. М. Молотов, К. И. Шутко, А. Г. Шляпников и И. И. Жуков выступили с резкой критикой соглашения. Они предложили сформировать правительство на базе самого Совета, однако это предложение собрало голоса только 19 депутатов из примерно 400. В итоге, соглашение было одобрено абсолютным большинством собравшихся. Верховная власть оказалась в руках думских либералов, представлявших, как тогда говорили, «цензовую буржуазию».

Теперь, после поражения большевиков в ходе пленарного заседания Петросовета, на котором было одобрено формирование Временного правительства, вопрос о власти вновь встал перед большевистской партией. Ведь после этого соглашения у сторонников советского принципа формирования правительства пропала точка опоры. С одной стороны, Совет оставался единственным собственно революционным органом, сформированным на классовой основе (т. е. из представителей рабочих и солдат – «крестьян в серых шинелях»). С другой стороны, он добровольно отказался от претензий на власть, поддержав «буржуазное» Временное правительство.

Необходимо было заново определиться с отношением партии и к правительству, и к Совету, который это правительство поддержал, и к социалистическим партиям, доминирующим в Петросовете. Обсуждению этих проблем было посвящено совещание Русского Бюро ЦК и «некоторых членов Петербургского Комитета», состоявшееся сразу после заседания Совета. Всего участвовало в совещании семь человек; кроме тройцы руководителей РБ присутствовали К. И. Шутко, В. В. Шмидт, В. Н. Залежский и К. Н. Лебедев.

Именно на этом совещании обозначилась разница в подходах к вопросу о власти среди большевиков Петрограда. Шляпникову и его сторонникам удалось убедить товарищей, что линия РБ ЦК должна «оставаться прежней: вести агитацию за создание революционного правительства...». Причем, в наиболее радикальном ключе эту позицию отстаивал представитель Выборгского райкома Шутко, который заявил о «необходимости немедленной агитации за вооруженное выступление против Временного правительства. Но он тогда оказался одиноким». С другой стороны, Залежский и Шмидт высказали и прямо противоположенные предложения: «появились и другие взгляды, примирявшиеся с решением Совета, предостерегавшие от опасности слишком уйти от Совета». С одной стороны, авантюристическая тактика «немедленного восстания» отражавшая «бланкистский» аспект большевистской теоретической культуры, а с другой стороны склонность к умеренной политике направленной на (неравноправное) сотрудничество с либеральной буржуазией (условно это направление можно назвать «меньшевистским уклоном»), противостояли той независимой стратегии, которую отстаивал Шляпников.

В любом случае, Шляпников и его товарищи по РБ ЦК перестали быть единственным субъектом, формулирующим позицию и политику партии.

* * *

Разногласия по такому важному вопросу, как вопрос о власти, требовали немедленного обсуждения. Тем временем, как уже говорилось выше, учредительное собрание представителей большевистских организаций столицы по созданию нового ПК, состоявшееся по предложению РБ ЦК вечером 1 марта, избрало этот орган в составе 11 человек, двенадцатым членом с

решающим голосом стал Шляпников. Именно первый легальный ПК стал площадкой развертывавшейся внутри большевистской партии борьбы по вопросу об организации власти.

На вечер 3 марта было назначено ключевое заседание вновь созданного ПК, на котором предполагалось обсудить решение пленума Петросовета, а также политическую линию большевиков по отношению к Временному правительству, с одной стороны, и к партиям советского большинства, с другой.

Готовясь к заседанию ПК, члены РБ ЦК на собственном заседании утром 3 марта приняли проект резолюции об отношении Совета к Временному правительству, защищать которую перед петроградскими товарищами поручили Молотову. Эта резолюция гласила:

«Находя, что Временное правительство является классовым представительством крупной буржуазии и крупного землевладения и стремится свести настоящую демократическую революцию к замене одной правящей клики другой кликой, а потому не способно осуществить основные революционные требования народа, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов признает, что

1) Главнейшей задачей является борьба за создание Временного революционного правительства, которое только и сможет осуществить эти требования.

2) Совету Рабочих и Солдатских Депутатов необходимо оставить за собой полную свободу в выборе средств осуществления основных требований революционного народа и, в частности, в выборе способов воздействия на Временное правительство.

3) Установление же контроля над Временным правительством в виде особой Контрольной Комиссии от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов является паллиативной мерой и не достигает поставленной цели контроля над осуществлением основных требований революционной демократии».

Таким образом, Русское Бюро ЦК выбирало достаточно конфликтную линию поведения по отношению к Временному правительству, фактически осуждало принятую пленумом Петросовета формулу власти и настаивало на реорганизации власти (т. е. выбора «средств осуществления основных требований») на основе самого Совета. Слова о «способах воздействия на Временное правительство», свободу выбора которых предлагалось оставить за Советом, свидетельствуют о готовности Шляпникова и его товарищей признать существование этого правительства свершившимся фактом, однако среди «способов воздействия» могли оказаться и самые решительные; таким образом, РБ ЦК оставляло пространство для маневра в области гипотетических «способов воздействия». Именно этими принципами предлагалось вооружиться товарищам по партии (прежде всего руководителям ПК), а вслед за ними и депутатам Совета.

Вместе с тем, авторы проекта резолюции пока считали революцию только «демократической». Однако и в пределах «демократической революции» речь шла о двух возможных стратегиях. Первая подразумевала признание права буржуазии на гегемонию в революции (этой логикой руководствовалось большинство Совета и часть деятелей ПК большевиков). Вторая была связана с установкой на более радикальный сценарий развития революции, при котором революционное правительство должны были возглавить социалисты. Последнюю позицию отстаивали Шляпников и его товарищи. Новым по сравнению с традиционными большевистскими представлениями в их проекте резолюции было стремление рассматривать в качестве источника власти именно Совет, а не партии. «Бюро Центрального Комитета полагало, – вспоминал Шляпников, – что мы не должны отказываться от выдвинутых лозунгов Временного революционного правительства и путей его осуществления – через Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, несмотря на то, что Совет данного состава и был против наших предложений».

Проблема заключалась в том, что РБ ЦК, хотя и было, с формальной точки зрения, высшим руководящим органом РСДРП(б) в России, но в действительности положиться оно могло лишь на столичный актив партии, который теперь находился под контролем и в постоянном

контакте с Петербургским комитетом РСДРП(б). Поэтому влияние на столичный партийный комитет становилось для Шляпникова и его товарищей центральной проблемой, без решения которой они превращались лишь в виртуальных руководителей, оторванных от массы членов и сторонников партии.

Заседание ПК 3 марта проходило в бурной дискуссии, мнения собравшихся значительно отличались. К сожалению, сохранившийся протокол этого заседания либо незавершен, либо часть его до нас не дошла; в нем отсутствует как ход прений, так и принятая в итоге резолюция. Поэтому восстановить события того дня можно лишь по воспоминаниями участников – Молотова, Шутко и Залежского, а также по сообщению самого Шляпникова, который сам в заседании не участвовал.

В пользу позиции РБ ЦК, которую изложил Молотов, высказались представители Выборгской организации партии (К. И. Шутко, М. И. Калинин, Н. Г. Толмачев). Однако большинство собравшихся находилось под впечатлением прошедшего накануне заседания Петросовета, на котором было одобрено соглашение с буржуазией и думскими либералами. Страх оказаться в оппозиции Совету и быть изолированными от других левых течений, заставил большинство членов ПК проголосовать за резолюцию, альтернативную предложенной Молотовым и гораздо более лояльную по отношению к политике Петросовета и к Временному правительству (кто выступил автором этой резолюции неизвестно): «Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Советом рабочих и солдатских Депутатов, заявляет, что не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа...».

Итак, после того, как большинство членов ПК фактически солидаризировалось с меньшевистско-эсеровским большинством Петросовета, приняв формулировку признания Временного правительства «постольку постольку», РБ ЦК во главе со Шляпниковым «повисло в воздухе». Оно больше не могло выступать по вопросу о власти от имени всей партии ни перед Советом, ни перед массами. В. Залежский, бывший в марте 1917 г. представителем большинства ПК (т. е. выступавший против линии Шляпникова и РБ ЦК), вспоминал: «На первых порах взаимоотношения между ПК и Русским бюро ЦК были натянутыми. Ряд вопросов общеполитического значения ПК обсуждал и разрешал без согласования с Русским бюро ЦК и даже без уведомления последнего... Это привело к тому, что ПК и Русское бюро ЦК разошлись между собой по основному политическому вопросу, как отнестись к Временному правительству». Добавим, что вопрос о власти и был основной проблемой в отношениях этих двух партийных инстанций, именно вокруг него развивалась драматическая внутривнутрипартийная борьба.

Именно вечером третьего марта началось открытое противостояние двух важнейших инстанций партии. Этот аспект внутривнутрипартийной динамики не сводим к борьбе разных идейных тенденций и стратегических установок в партии. Его нельзя изобразить как противостояние умеренного и радикального крыла, ведь как покажет история следующих недель, ПК и РБ ЦК могут меняться местами относительно политического радикализма, не теряя при этом остроты взаимного противостояния. Можно согласиться с выводом А. Рабиновича (сделанном на материале лета и осени 1917 г.) о том, что эти две партийные инстанции во многом конкурировали между собой за полномочия, что накладывало свой отпечаток на ход всей внутривнутрипартийной дискуссии.

Первый серьезный конфликт в большевистских рядах парализовал попытку Шляпникова выступить (от имени всей партии) в качестве самостоятельного политического субъекта. ПК, самая важная, столичная организация РСДРП(б) встала в оппозицию формальному руководству партии – РБ ЦК, обрекая его, тем самым, на полную изоляцию. Шляпников и его единомышленники проиграли первый серьезный бой – за контроль над собственной партией.

Однако нельзя сказать, что деятели РБ ЦК сразу капитулировали. Они предприняли повторную попытку превратить РСДРП(б) в оплот борьбы с Временным правительством, а также в системную оппозицию действующему составу Петроградского Совета.

На следующий день после заседания ПК, 4 марта РБ ЦК приняло на очередном своем совещании резолюцию о тактических задачах партии. В этой резолюции провозглашалось, что «Временное правительство по существу контрреволюционно... а потому – продолжали авторы резолюции – с ним не может быть никаких соглашений». Главной задачей «революционной демократии» объявлялось создание «временного революционного правительства демократического характера», осуществляющего диктатуру пролетариата и крестьянства (учитывая, что единственным органом, представлявшим организованную «демократию» был Петросовет, можно смело утверждать, что речь по-прежнему шла о формировании именно правительства на советской основе). Иными словами, Шляпников, Молотов, Залуцкий и их сторонники не пошли на поводу у ПК, а решили отстаивать свою политическую линию.

На 5 марта было запланировано очередное заседание ПК. Специально для него на основе принятого РБ ЦК документа был составлен проект резолюции, в котором вслед за констатацией контрреволюционного характера действующего правительства, говорилось: «ПК не может поддерживать это правительство, и ставит задачей борьбу за создание Временного революционного правительства». Однако и эта новая попытка убедить ПК в необходимости более радикальной политической линии провалилась.

После острых дискуссий, ПК отклонил резолюцию РБ ЦК и еще одну резолюцию, внесенную О. Г. Лифшицом и поддержанной представителем выборгской организации партии Шутко (компромиссную по содержанию). По воспоминаниям Молотова, вновь защищавшего позиции Бюро ЦК, в его поддержку выступили Калинин, Шутко и «еще кое-кто» (Шляпников называет еще Толмачева, также анонимного представителя Выборгского района). В числе противников линии Бюро ЦК были Н. И. Подвойский, Г. Ф. Федоров, Шмидт и др. «ПК продолжал держать курс на самостоятельность, что было, конечно, политически вредно», – признавался один из лидеров и идеологов этого курса Залежский.

Представляется, что на оселок внутрипартийного двоевластия (РБЦК – ПК) накручивалась определенная логика развития взглядов противостоящих друг другу сторон. Если Шляпников, Молотов и Залуцкий, профессиональные революционеры, относившиеся к радикально-левому крылу партии, отстаивали «старобольшевистскую» стратегию революции, хотя и делая очень значительные поправки на «стихийное творчество масс» (Совет как источник полномочий правительства вместо компромисса трех социалистических партий), то их оппоненты из ПК испытывали сильное влияние собственного актива, охваченного эйфорией революционного единства и доверием к только что избранному на предприятиях и в казармах Совету. Для петроградских большевиков настроение улицы оказывалось сильнее инерции теоретических построений. А 3–5 марта настроение улицы вполне отвечало тому «меньшевистскому уклону» ПК, с которым боролся Шляпников.

После этого повторного поражения, РБ ЦК на несколько дней, оставило попытки утвердить свою линию в рядах Петербургской организации большевиков. Вместо этого, оно приступило к организации партийной печати. Было решено возобновить ежедневную партийную газету «Правда». Это, безусловно, важное дело также имело отношение к развернувшейся внутрипартийной борьбе. Необходимо было обеспечить идеологический контроль над основным рупором партии. И уже затем, используя этот рупор, попытаться вновь овладеть инициативой в деле определения политической стратегии партии. Шляпников и его сторонники сделали попытку решить стоящую перед ними задачу именно в этом ключе, рекрутируя в редакцию «Правды» своих единомышленников. «Первая редакция центрального органа партии была утверждена нами в составе: В. Молотов, М. С. Ольминский, К. С. Еремеев, М. Калинин. Последний входил в редакцию как представитель Петербургского комитета».

Иными словами, редакция «Правды» состояла, преимущественно, из сторонников линии РБ ЦК и призвана была стать проводником их взглядов. Показательно, что представителем от ПК, большинство которого выступило против предложенной Бюро ЦК политической линии, стал Калинин, один из тех, кто голосовал за резолюции «тройки». Принимая решение о возобновлении «Правды», Бюро ЦК постановило, что «все три редактора (Ольминский, как представитель Москвы, был введен позже остальных трех редакторов – А. С.) одинаково ответственны, а вопросы решаются ими единогласно, а в случае разногласия относительно какой-либо статьи, она откладывается и обсуждение ее переносится в Бюро ЦК». Таким образом, члены РБ ЦК стремились оставить за собой контроль над идеологической линией Центрального Органа партии. Однако представитель московской организации большевиков Ольминский в первые дни марта занял позицию, отличную от той, на которой стоял Шляпников и его сторонники, и это немедленно отразится на страницах «Правды».

Вообще, позиция московских большевиков заслуживает отдельного рассмотрения. В первые дни революции они полностью обходили стороной вопрос об организации центральной власти в стране, занимаясь только проблемами Москвы, и лишь 1 марта Московский Комитет (МК) РСДРП(б) составил проект наказа депутатам Моссовета, в котором прояснил свою позицию по вопросу о власти. «Народ проливал свою кровь в революционной борьбе, – писали авторы наказа, – не для того, чтобы заменить правительство Протопопова правительством Милокова – Родзянко... Московский Совет рабочих депутатов в союзе с революционными организациями других мест должен возможно быстрее создать Временное революционное правительство». Т. е. МК прямо высказывался за Советское (во всяком случае, по происхождению) правительство, возлагая ответственность за его формирование на Моссовет и «революционные организации других мест». Под последними понимались, по-видимому, учреждения советского типа в провинции.

Важно, однако, отметить, что проект наказа был составлен 1 марта, т. е. еще до заседания Петросовета, на котором была принята формула поддержки Временного правительства «постольку поскільки». А значит, соображения, которыми руководствовалось большинство ПК 3 марта, отклоняя резолюцию Молотова, – опасения слишком дистанцироваться от Петросовета, противопоставить себя ему, – еще не могли приниматься во внимание. Оснований для принципиальных разногласий в большевистских рядах, во всяком случае, по вопросу о власти, еще не было.

Однако этот документ наверняка послужил для руководителей РБ ЦК сигналом, свидетельствующим об общности их политической линии с позицией московских товарищей. Тем болезненнее оказалось для них возникшее вскоре расхождение с москвичами.

В первом же номере «Правды» был опубликован Манифест РСДРП, составленный РБ ЦК еще 27 февраля и содержавший призыв к созданию Временного революционного правительства, а также уже цитировавшийся выше наказ МК РСДРП(б) к депутатам Моссовета, в котором также выдвигался лозунг создания Временного революционного правительства на советской основе. Получалось, что несмотря на решения ПК и принятые им резолюции, политическая линия РБ сохраняется в качестве официальной политики партии. В том же номере была опубликована редакционная статья «Старый порядок пал», в которой основной задачей провозглашалось создание Временного революционного правительства, что и было основным лозунгом Шляпникова и его сторонников.

В следующем номере «Правды» от 7 марта была помещена статья Ольминского «Настороже», в которой автор характеризовал Временное правительство как «правительство помещиков и капиталистов», выступающее «не за революцию, а против революции». Это были характеристики из арсенала сторонников конфронтационного курса. Но, с другой стороны, Ольминский, рассуждая о политике в отношении Временного правительства, выдвинул формулу «Врозь идти, вместе бить», которая сводилась к ограниченной и условной поддержке

правительства «постольку поскольку» оно борется со старым режимом. «Желая получить все, можно и потерять все», – предостерегал Ольминский, намекая на опасность, исходящую от чрезмерно радикального курса. «Идти во всем вместе и заодно с Временным правительством народ не может. Но заодно с ним бить, бить сторонников Николая Романова, он должен» – продолжал он. По существу, Ольминский занял в своей статье позицию, аналогичную той, на которой стояло большинство ПК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.